

Черный викинг

Повесть

© 2003 Римма Маркова (Rimma Markova), Худдинге, Швеция
Впервые опубликована в финском журнале LiteraruS

Здравствуйте, все!

Меня зовут Александру - также Алесандро, Алекс, Шурка, Сашка, Саша и Сашенька. То есть по документам я Александр, но все зовут меня по-разному, производными от Александра. Папа звал меня Алесандро, мама - Саша или Сашка, друзья в Швеции - Алекс, в России -Шурка, так же зовет меня Дед. А бабушка до сих пор зовет меня Сашенька, как младенца.

В шведском языке очень мало уменьшительных имен. Можно звать Карла Калле, а Александра - Алекс. Но в большинстве имен ничего нельзя изменить. Если тебя зовут Стен или Стефан, то по-шведски так и будет всегда - Стен и Стефан. Зато по-русски можно от любого имени образовать уменьшительное, ласкательное или дразнительное. Ребята в Швеции мне сначала не верили. Тогда я взял и показал, как это по-русски будет. С любым именем. Например, тот же Стефан. По-шведски можно только Стефан и все. А по-русски можно: Стефанчик, Стефушка, Стефанушка, Стефанище. Потому что в русском полно всяких суффиксов. (Нам еще Римма про них объясняла, я про неё потом расскажу).

Я даже не могу сказать, какое из моих имен нравится мне больше остальных. Я сам, когда знакомлюсь с кем-нибудь, говорю Александр, но Шурка проще и привычнее, и Алекс мне тоже нравится.

Эту тетрадь мне посоветовал завести Дед, потому что... Ну... летом умер мой папа... Это трудно рассказывать... Я потом расскажу. Позже. Мне было очень плохо, а маме еще хуже, хотя она и держится молодцом, по выражению Деда.

Ну, в общем, я уехал с Дедом в Россию, в Петербург и жил там почти месяц и даже в школу там ходил. И... Я теперь всё время живу как бы между Россией и Швецией и должен постоянно все всем объяснять, потому что в России очень мало знают о Швеции, а в Швеции никто не понимает про Россию. Ну, мои друзья то есть, и остальные тоже.

И Дед сказал:

-Будет легче, если ты возьмешь тетрадь и все запишешь. И, может быть, сам разберёшься.

Дед считает, что в голове у человека хаос, а когда начинаешь писать, то все мысли становятся на свои места и делаются понятней.

Мой Дед занимается наукой и знает, как обращаться с мыслями.

Ну вот, я взял тетрадь и стал все записывать, потому что мне очень хочется разобраться, что происходит вокруг. И внутри, во мне самом.

А самое главное, разобраться, кто я такой.

Кто я?

Раньше я как-то о таком не думал, то есть немножко, конечно, думал, но не так. А сейчас мне очень важно понять, кто я такой. Бабушка говорит, что это нормально в подростковом возрасте.

-Сашенька вступил в младший подростковый возраст, и у него проблема идентификации.

Я слышал, она это маме говорила, а мама сказала:

-Бедные мои мальчики, намаются они в жизни, нигде им нет места, всюду они чужие.

-Не говори глупостей, - сказала бабушка, - их место там, где их любят. Просто Сашеньку сейчас надо поддержать, дать ему почувствовать, что он всюду свой, его всюду любят.

С идентификацией у меня и правда проблема. Почему-то теперь, после того как умер папа, это оказалось очень важным для меня - понять, кто я.

Я родился в России, тогда это был еще Советский Союз, и Санкт-Петербург назывался Ленинградом. Но с 5 лет я живу в Швеции, хожу в обычную шведскую школу, читаю, смотрю телевизор, болтаю с друзьями и все такое по-шведски. А дома мы все говорим по-русски. Мама считает, что вокруг слишком много шведского и надо сберечь русскую речь. Читаю я тоже больше по-русски, потому что я очень рано стал по-русски читать, еще до того, как уехал в Швецию. Меня бабушка научила. Хотя теперь я по-шведски тоже много читаю. А думаю я, когда один, почти всегда по-русски, хотя в школе я, конечно, думаю по-шведски и с ребятами тоже. Иногда отдельные слова, даже в мыслях, остаются шведскими. Бывают такие вещи, которые я просто не знаю, как по-русски сказать. По-шведски проще. А иногда бывает наоборот, проще по-русски, а по-шведски трудно объяснить. Мой братишка, Джо, просто перемешивает русские и шведские слова. Это очень смешно, но все равно понятно. Мама говорит, что я тоже так делал, когда мы только приехали в Швецию и учились шведскому языку.

Но мой цвет кожи не подходит ни для Швеции, ни для России. Я - чёрный. То есть, я на самом деле совсем не черный, просто «очень смуглый», как говорит бабушка. Как будто я сильно-сильно загорел. Но это не загар. Просто я - черный.

Так это называется. Цветной или черный. Глупое какое-то определение. Если сказать кому-нибудь: «Ты белый», то человек просто не поймет, о чем речь. Это же ничего не значит. В Швеции почти все белые и в России тоже.

Мой бестис (бестис по-шведски значит «лучший друг») Мирослав, он из Югославии и говорит по-сербохорватски. И это для него важно. А не то, что он белый. Он говорит, что даже если бы он был зеленым, он все равно остался бы югославом. Или Виктор. Он из Чили, это в Латинской Америке. В Швеции всех из Латинской Америки называют латинами, хотя они из разных стран. Они все говорят по-испански и здорово танцуют, почти как мы, негры. Потому что я - негр, хоть и светлее остальных. Негр - это такое объединительное название. Как латин. Некоторые думают, что это ругательство. Я не считаю, что это обидное слово, но ведь оно ничего не объясняет. Негры есть во всем мире: и в Африке, и в Америке, и в Европе тоже. Меня называют негр, хотя моя мама белая. И «негр» не объясняет, кто я такой, откуда. Я читал, что негр - это определение расовой принадлежности. Но папа говорил, что сомалийцы принадлежат не к негроидной расе, а к эфиопской. Здесь я совсем ничего не понимаю.

Мой папа - черный, гораздо темней меня, но он тоже не совсем негр. Он мулат. Его мама была черная, а отец белый. А я квартерон. Так, кажется, это называется. Я только на четверть «черный». Но этой четверти вполне хватает, чтоб отличаться от всех остальных.

Еще говорят: «африканец». Но я, например, никогда не был в Африке, какой же я африканец?

С национальностью еще сложнее. Я раньше думал, что мой папа сомалиец, а мама русская. Но это оказалось не так. Или не совсем так, как я думал. Папа ведь не совсем сомалиец, хотя он родился и вырос в Сомали. А мама моя тоже не совсем русская. И даже совсем не русская, хотя и русская тоже.

В общем, это все так запутанно, что я решил написать всё по порядку и посмотреть, что получится.

Я начну с папы, потому что это из-за него я стал думать о том, кто же я такой. И потом мне очень его не хватает. И все время хочется о нем говорить. Я сам удивляюсь. Пока папа был жив, мы с ним говорили обо всем, но мне бы в голову тогда не пришло говорить о нем. Мы с мальчишками никогда не говорим о наших родителях. Нам своих дел хватает. Но теперь мне просто необходимо с кем-то говорить о папе. Наверное, когда я о нем говорю, он становится снова как бы живой, и мне легче от этого.

Я жалею, что никогда не спрашивал папу про его жизнь. Я дурак был, меня совсем не интересовали мои родители. То есть интересовали, как родители, мама и папа. Это Дед

мне показал, что папа был не только наш с Джо папа. Он был сам по себе человек, и у него была своя жизнь до нас и помимо нас тоже. Работа и все такое.

Папа рассказывал иногда про то, как он был маленьким, но я не очень слушал, мне казалось, что он меня все время учит, как мне хорошо и как ему было трудно. А он, наверно, хотел просто рассказать, как они жили. А теперь его нет...

Папа

Мой папа из Сомали. Но его папа, мой дедушка, был итальянец. Я практически ничего не знаю про его родителей. Только - что бабушка, папина мама, была очень красивая и один итальянец в неё влюбился.

Чтоб вы поняли, я расскажу немного про Сомали. Если посмотреть на карту Африки, то справа, т.е. на востоке, есть такой полуостров, острый, как угол, он так и называется Африканский угол, и здесь лежит страна Сомали. В полупустыне.

Сомали очень древняя страна. Старше Швеции и России. Уже в начале нашей эры там были города, и жители торговали с греками и арабами. Те приплывали по Индийскому океану. И индийцы тоже. И многие оставались. А потом на этом месте поселилось так много арабов-мусульман, что они образовали мусульманский султанат. В XIX веке сомалийский полуостров был захвачен европейцами. Его поделили между собой Италия, Франция и Великобритания. И там стало три колониальных государства - Британский Сомалиленд, Итальянское Сомали и Джибути, французская колония. А в 1960 году итальянская и британская части, получив независимость, объединились в одну страну Сомали. Со столицей в городе Могадишо. Такой город-порт в Южной части Сомали. И тогда официальным языком стал сомалийский, а не итальянский и английский, как было раньше. Но итальянские школы еще оставались некоторое время, так как итальянцев в Сомали жило довольно много.

Это все я взял из словарей. Только в дедовом, Большом советском энциклопедическом словаре написано, что «после военного переворота в 1969 году в стране была провозглашена Сомалийская Демократическая республика и осуществлен ряд преобразований, направленных на укрепление экономической независимости». А в новом Энциклопедическом словаре школьника, который мне Дед с бабушкой подарили на день рождения, написано, что «после военного переворота власть захватила военная хунта». Потому что после распада Советского Союза в русских энциклопедиях изменился взгляд на историю. И то, что раньше называлось демократией, стало называться хунтой.

В 1991 году в Сомали начались «столкновения противоборствующих группировок», то есть просто война. Она и сейчас идет. И никто не знает, когда она кончится. Книжек про Сомали и по-русски, и по-шведски очень немного, а по-английски я пока читаю плохо. И потом они не про папу. Я спрашивал маму и Ибрагима, папиного друга, но мама познакомилась с папой в Ленинграде, когда он уже уехал из Сомали, а Ибрагим хоть и из Сомали, не был там папиным другом. Неожиданно оказалось, что больше всех про папу и Сомали знает Дед. Он сказал, что здесь нет ничего удивительного:

-Понимаешь, приходит чужой парень из другой семьи, страны, вообще из другого мира и уводит твою дочь. Естественно, что ты захочешь узнать о нем все, что можно; какие у них традиции, праздники. Как они детей воспитывают, как о стариках заботятся. Ведь у каждого народа свои привычки.

-Но как же мама?

-Мама его полюбила, ей все равно, из какой страны он приехал, для неё важен был он сам. Влюблённые, они только друг друга видят.

-А ты?

-А я увидел человека, которого моя дочь полюбила, хорошего человека, но непонятого, чужого. И я хотел понять. Читал что-то и много мы с ним говорили, с папой твоим. У меня ведь тоже всяких предрассудков хватало. Что в Африке отсталые народы

живут и прочее. Что они многоженцы и вообще женщину за человека не держат. Много всякого. Я вот сначала думал, что в Сомали какие-то свои, языческие боги, а оказалось, что они мусульмане, а твой второй дед вообще был католик. Впрочем, он и не был сомалийцем.

Вот что рассказал Дед. Это все похоже на сказку, но Дед говорит, что жизнь намного необычной сказок. И потом это все правда, так на самом деле было.

Папин папа был аптекарь, провизор и делал лекарства для итальянских офицеров в госпитале. Однажды он встретил очень красивую сомалийскую девушку и влюбился. Он был католик и уговорил её принять католичество и венчаться. И тогда у них начались неприятности. Её род от неё то ли отказался, то ли вообще проклял, а на него европейцы стали смотреть с пренебрежением. Это все происходило как раз перед тем, как Сомали получила независимость.

Папа родился в 1960 году, а через два года его мама умерла, и его растил отец. Папа ходил сначала в итальянскую школу и дома говорил по-итальянски. И официальным языком там, в папиной части Сомали, был итальянский, так как у сомалийского языка ещё не было алфавита. Когда появился письменный сомалийский язык, папа уже хорошо читал по-итальянски и по-английски. Но в итальянской школе было очень мало черных и их не любили. На папе почему-то никак не отразилось, что у него белый отец. Он сам говорил, что черные гены сильнее, чем белые. Только волосы у него были мягкие. Потом итальянскую школу закрыли.

Ему было как раз столько лет, сколько мне сейчас, и у него тоже возникла «проблема идентификации». Ведь по цвету кожи он все равно не был итальянцем. В новой школе, как я понял из редких папиных рассказов, ему было тоже не сладко: он плохо говорил по-сомалийски и к тому же не был мусульманином. Его моббали (по-шведски это значит - травили в школе, издевались), и никто не хотел с ним дружить. Он много читал и мечтал о справедливости.

В результате он не стал ни католиком, ни мусульманином, а стал социалистом. Потом он поехал в Советский Союз, в Ленинград, выучил русский язык и стал учиться на врача. Советский режим оказался не таким прекрасным, как он думал. Там было много всякого, что противоречило идеалам, и даже расизм. Папа (тогда ещё не папа, а молодой человек) сперва даже хотел уехать из Союза, но потом всё-таки решил остаться. Он хотел выучиться, чтоб вернуться в Сомали образованным и строить там общество, которое действительно будет справедливым. А потом началась перестройка, и все стали надеяться, что теперь будет, наконец, настоящий социализм, социализм с человеческим лицом. (Дед говорит, что так это называлось в газетах, Дед тогда верил, что такой социализм есть в Швеции). И тут наш будущий папа встретил нашу будущую маму. Во время перестройки.

Мама

Я раньше думал, что наша мама русская. В Швеции все, кто из России, русские. Мы приехали из России и говорим по-русски и праздники у нас - которые только в России празднуют: Новый год и 8 Марта. Потому что в Швеции подарки под елку кладут на Рождество, а Новый год, это так, полупраздник. Все выходят на улицу или на балкон, пьют шампанское и стреляют из ракетниц. И ужинают нормально, часов в семь вечера. А у нас все садятся за стол в полдвенадцатого ночи и пьют сначала за старый год, потом за Новый, и едят все время, то есть прямо в полночь. А 8 Марта в Швеции только феминисты празднуют. И без всяких подарков, а просто устраивают демонстрации за права женщин, так что это получается для них вовсе и не праздник.

Но оказалось, что мама вовсе не русская, а еврейка. То есть она конечно, русская, но русская еврейка. Мы в школе про евреев читали, про холокост. Холокост - греческое слово и означает: уничтожение. Этим словом называют теперь массовое истребление евреев во время Второй мировой войны. В гитлеровских лагерях, газовых камерах. И массовые расстрелы тоже. Это все ужасно, но это было так давно. Я не думал, что это имеет к нам

какое-то отношение. Весной всем шведским школьникам выдали книгу «...ом детта му ни беретта...» («...об этом вы должны рассказать...»). Эта книга, оказывается, есть и на русском языке, я видел, когда в русскую школу ходил. Только она называется «Передайте об этом детям вашим». Там рассказывается об уничтожении нацистами евреев и цыган, и очень много фотографий. Мы дома смотрели её все вместе. Мама сначала не хотела, чтоб Джо смотрел, там много совсем страшных фотографий: трупы и дистрофики. Но папа сказал:

-Пусть. Он тоже должен знать. Еще неизвестно, что им предстоит самим увидеть.

Мама плакала, когда смотрела.

-Зачем ты плачешь? - спросил Джо.

Он всегда все спрашивает. Наверное, когда я был маленький, я тоже много спрашивал. А потом перестал. Теперь я сам удивляюсь, почему я такой нелюбопытный. Я, оказывается, не знаю элементарных вещей. Я даже не знал, что моя мама еврейка. И Дед, и бабушка. И что почти вся бабушкина семья погибла во время холокоста.

Мама у нас очень красивая. Конечно, все рябятя считают, что их мамы красивые. Это нормально. Но мама правда очень красивая. Папа говорит, что на неё всегда все мужчины оглядываются. Она маленького роста, намного ниже папы. И у нее черные волнистые волосы. Когда мы с бабушкой читали «Онегина» и прочли, что у Ленского «кудри черные до плеч», я спросил:

-Как у мамы?

Бабушка очень смеялась и всем рассказывала, как я маму сравнил с Ленским. Но на самом деле ведь это правда, у мамы тоже «кудри черные до плеч». И руки у неё очень красивые, с тонкими длинными пальцами. Бабушка говорит, что мама должна была стать музыканткой (или музыканткой?). Она ходила в музыкальную школу, и у неё были успехи. Но мама не захотела и пошла учиться на учителя иностранных языков. Вообще-то она хотела учиться на филолога в Ленинградском университете, но туда не принимали евреев, им просто ставили двойки или тройки на экзаменах, чтоб они не прошли. Я не понимаю, как можно не брать человека учиться, если он какой-то не той национальности. Конечно, в Швеции эмигрантам трудно устроиться на работу, но учиться ты можешь сколько хочешь и где хочешь. И потом мама же не была эмигранткой, она же родилась и выросла в Ленинграде. Если мы с Джо и вызываем какие-то сомнения своим цветом кожи, то уж мама точно русская.

Но для Ленинградского университета она была не достаточно русской. И даже, чтоб поступить в Педагогический институт на иностранный факультет, ей надо было на вступительных экзаменах отвечать так, чтоб никто не мог придаться, на все пятерки.

Мама говорит, что национализм есть во всем мире. В Дании, например, не любят гренландцев и стараются их никуда не брать, хотя они совсем не эмигранты, потому что Гренландия - это как бы часть Дании.

Но мама все равно поступила в институт и стала учить испанский и английский, и еще потом португальский, так как он очень близок к испанскому. А потом она встретила папу и выучила еще итальянский, и потом шведский, уже здесь, в Швеции. Так что она знает теперь шесть языков, а может и больше. В Швеции много людей со всего мира, которые говорят на разных языках, и часто нужны переводчики. Но если ты инвандраре, то есть приехал из другой страны (особенно, если ты не из Европейского Союза, куда входит большинство стран Западной Европы,) то ты как бы все равно неграмотный, и никто не хочет брать тебя на работу.

Мама начала работать по-настоящему только прошлой весной. Это один папин знакомый, тоже врач, её взял. У него частная практика. То есть он сам по себе работает, не в поликлинике. Мама у него секретарь - ведет журнал, отвечает по телефону, записывает на прием. И её знание языков очень пригодилось, так как здесь много инвандраре из Латинской Америки, которые говорят по-испански, и из Африки, говорящих по-английски.

Мама говорит, что всё, что ни делается, всё к лучшему. И она очень довольна. Потому что знание языков - не профессия, она это только в Швеции поняла. Это при любой профессии нужно. Чем больше языков человек знает, тем легче ему работать.

На самом деле для меня было много лучше, когда мама не работала. Когда я учился в начальной школе, я ходил на продленку - фритис. Мама с Джо приходили за мной, и мы сначала гуляли все вместе, а потом я с мамой делал уроки. Мама говорит, что в России продленка, чтоб там уроки делать. А в Швеции продленка, чтоб играть. А уроки потом делают дома, но многие вообще не делают их никогда, так как оценок здесь не ставят. Я раньше думал, почему я должен уроки делать, а другие могут не делать. Если бы мама не занималась со мной дома, я бы, наверное, был жутким лентяем и двоечником. Это я теперь понимаю, что я для себя учусь, а не для учителя. Мне интересно всё знать. Дед говорит, что он всю жизнь учится, а знает всё равно недостаточно.

Когда я перешел в 4 класс, у нас уже не было продленки. И было очень здорово, что мама дома. Я приходил из школы, мы ели, я быстро делал уроки и всегда мог её спросить, что нужно. А потом я убежал к ребятам, и когда приходил, то дома уже были папа и Джо, и мы садились обедать, и обед был всегда готов.

А весной, когда мама нашла работу, папа был уже болен. Они оба уже понимали, что будет... А я не понимал. Не думал, что так вправду бывает, так быстро...

Мама хотела быть около папы все время. Но она радовалась, что нашла работу. До этого у неё были только частные уроки и переводы иногда. И папа тоже радовался, что она получила постоянную работу и потом у своего человека, то есть у знакомого, который к ней хорошо относится и ценит ее знания.

Папа то в больнице лежал, то дома. Особенно скверно было, когда в больнице - приходишь, а дома пусто, никого нет, мама на работе. Как теперь... Теперь я делаю уроки сам, и это почему-то занимает намного больше времени, чем с мамой. Правда, в шведской школе очень мало уроков, в сравнении с русской. И если мне уж очень не хочется делать уроки, то я вспоминаю моих друзей в Петербурге и понимаю, что мне в сто раз легче.

Мама очень любит петь. И папа любил. У его отца в Сомали был проигрыватель, и много старых пластинок. Они оба (и папа, и мама) любят оперу и хотели, чтобы и мы тоже (я и Джо) полюбили. А я не люблю. Я не разбираю слов, когда поют в опере, и это очень мешает. Я люблю петь, но когда меня никто не слышит. Потому что я пою сам для себя, свои песни, ну, не песни даже, а то, что я вижу. Иногда получается складно, а иногда ерунда. Мама хотела, чтоб я пошел в музыкальный класс. В Швеции во многих школах есть такие классы, там поют и вообще занимаются музыкой. Но я наотрез отказался петь в хоре. Зато я люблю танцевать. Я всегда пританцовываю, даже когда сижу, ноги не могут стоять спокойно. Мама говорит, что это африканская кровь во мне играет. Что эта музыка у меня в крови. И когда я пою про себя, внутри, все мое тело танцует так, что это видно снаружи.

Наша мама ужасная хохотушка. С ней всегда весело. Правда, иногда я на неё сержусь, когда она надо мной смеётся. Или мне кажется, что она надо мной смеётся. Теперь она смеётся редко. А потом у неё слёзы в глазах. И тогда я за неё боюсь. Ведь когда-нибудь...

Дед говорит, что это нормальное явление, когда дети хоронят своих родителей. Ненормально, когда родители хоронят детей. Как с папой. Он же деду как сын. По-шведски даже так и называется - **свэрсон**. И по-английски. Конечно, дети должны жить дольше родителей, ведь они моложе. Но если подумать: ведь когда-нибудь мне придется хоронить дедушку с бабушкой и потом маму, и сразу страшно.

Хорошо, что у нас есть Джо. Он всегда что-нибудь такое скажет, что просто невозможно не засмеяться. Если мама работает в вечер, то я иду за Джо в дагис, так по-шведски называется детский сад, и потом грею то, что мама оставила, и мы едим вдвоем с Джо. А потом играем.